

A movie poster for the film 'Portal into Nowhere'. The central image shows a young man with brown hair, seen from behind, wearing a dark green jacket and blue jeans, standing in a doorway. He is looking at a white, rusted door. To his left, a young woman in a pink jacket and a young man in a blue jacket stand together, looking towards the door. To his right, another young man in a grey jacket looks on. The walls are crumbling and the ground is covered in debris. The title 'Роман Буряков' is at the top and 'Портал в никуда' is at the bottom, both in yellow text.

Роман Буряков

Портал в никуда

Роман Буряков

Портал в никуда

<https://litres.ru/74141374>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пронзительная история о том, куда ведут двери нашего прошлого.

В липецком паблике появляется странное видео: среди пустыря, заросшего бурьяном, стоит старая филенчатая дверь. Она не ведет в подвал или квартиру. Она ведет в то время, где вы были счастливы.

Иван, менеджер по продажам стройматериалов, давно забывший, что такое настоящее тепло, решает проверить слухи. Переступив порог, он ожидает увидеть детство или первую любовь. Вместо этого он оказывается в 2031 году — в стерильном городе будущего, в чужой квартире, где его уже нет в живых. Здесь даже чай — лишь безвкусная имитация, а единственный собеседник — говорящий пылесос-философ.

Но самое страшное ждет Ивана на скамейке у замерзшего пруда. Там он встречает женщину, которую любил. Она не помнит его имени. Дверь стерла его из ее жизни, оставив лишь пустоту и боль.

«Портал в никуда» — это мистическая драма для тех, кто боится, что уже ничего не изменит, и для тех, кто хочет вспомнить, как пахнет настоящий чай и живое счастье.

Содержание

Пролог. Хроники необъясненного	5
Глава 1. Место с запахом мазута и «Липецкого пива»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Роман Буряков

Портал в никуда

Пролог. Хроники необъясненного

В липецком городском паблике «Подслушано в Липецке» ровно в 9:15 вечера 27 апреля появилось сообщение, которое за ночь собрало тысячу комментариев и полторы тысячи репостов. Обычно в этом паблике обсуждали, почему не ходит троллейбус на Сырский Рудник, где купить самые дешевые огурцы на Центральном рынке и кто вчера сигналил под окнами в два часа ночи. Но здесь было нечто иное.

Сообщение написал пользователь с ником «Сергей_48» и прикрепил короткое видео. На экране дрожал пустырь. Обычный липецкий пустырь за ЛТЗ, где землю обещали отдать под жилой комплекс «Европейский квартал» еще в 2017 году, но вместо этого вырос бурьян в человеческий рост, скопились битые бутылки из-под пива и старые покрышки. И посреди этого великолепия стояла дверь.

Самая обычная дверь. Филенчатая, когда-то белая, а теперь серая от времени, с дешевой китайской ручкой-кнопкой, которая люфтила в сторону. Такие двери ставят в хрущевках на кухнях или в кладовках. На ней не было ни магических рун, ни намека на портал, ни даже таблички «не

влезай — убьет». Просто дверь, прислоненная к кирпичной стене недостроенного гаража.

Сергей, парень лет двадцати пяти с уставшими глазами и татуировкой иероглифа на запястье, говорил в камеру с такой серьезностью, что даже самые отъявленные скептики на секунду задумывались.

— Народ, я не знаю, как это объяснить, — произнес Сергей, и его кадык дернулся. — Я вообще в этих ваших порталах не разбираюсь. Но я зашел туда. Понимаете? Просто взял и зашел. И оказался в 2007 году.

Он замолчал, будто сам не верил своим словам.

— Там у меня квартира была. На Университетском проспекте. Обои в цветочек, ковер на стене, холодильник «Минск». И мама живая. Она варила суп и ругалась, что я двойку по алгебре получил. Я стоял и ревел, как лось. А она повернулась и сказала: «Сереж, иди мой руки, оболтус». Я вышел обратно — и вот я здесь. Прошло три минуты. А прошлое — на шестнадцать лет назад.

В комментариях под видео творился хаос.

«Он не в себе», — писал пользователь с аватаркой в виде черепа.

«Я тоже ходила, — отвечала девушка по имени Наташа. — Оказалась в своей свадьбе в загсе на Октябрьской. Только жених был не мой, а какой-то другой. Я вышла и развелась через месяц. Дверь правду показывает».

«Не ходите туда, — писал третий, и его сообщение бы-

ло набрано капслоком. — ТАМ НЕТ ВЫХОДА. ТОЛЬКО ВХОД».

Сергей через два часа выложил второе видео. Там он сидел на лавочке у подъезда с сигаретой, лицо у него было осунувшимся, а глаза — как у человека, который только что понял, что обратной дороги в детство нет, даже если дверь показывает его каждую секунду.

— Я заходил пять раз, — сказал он, затягиваясь. — Каждый раз — одно и то же. Мама, суп, двойка по алгебре. Но она меня не узнает. Она говорит то же самое, что говорила тогда. И я понимаю, что это не мама. Это картинка. Очень хорошая картинка. Но мама умерла в 2015-м. И дверь не воскрешает. Она просто показывает.

Видео набрало полтора миллиона просмотров за ночь. Липецк — город небольшой, но паблик «Подслушано» знают все. К утру следующего дня на пустыре за ЛТЗ уже стояла очередь. Человек сорок. Кто-то принес термос с чаем, кто-то — раскладной стульчик из «Ленты», кто-то — плед, потому что апрель в Липецке обманчив: днем плюс десять, а к вечеру — минус два и ветер с Матырского водохранилища. Люди перешептывались, тыкали пальцами в дверь, спорили о природе явления. Приехали полицейские, но уехали, потому что никакого состава преступления не нашли — дверь как дверь. Не взрывается, не наркотики, не нарушает общественный порядок. Правда, один сержант, молодой парень с прыщавым лицом, шепнул напарнику: «А я бы зашел. Инте-

ресно же». Напарник, мужик под пятьдесят, закатил глаза и сказал: «Ты бы еще в секту записался. Пошли отсюда».

И в этой очереди, сам того не ожидая, оказался Иван.

Глава 1. Место с запахом мазута и «Липецкого пива»

Иван узнал о двери случайно. Он листал тик-ток на кухне, пока закипал чайник, и наткнулся на нарезку с Сергеем. Обычно он пролистывал подобное — мракобесие, развод на деньги, очередной вброс для поднятия охвата. Но тут что-то зацепило. Возможно, глаза парня. Или тот факт, что в комментариях не было ни одной ссылки на «запишись к экстрасенсу». Люди просто делились своим опытом. И их опыт был слишком похожим: дверь показывала место, где ты был счастлив. Настоящее счастье, без ретуши. То самое, которое не купишь за деньги и не запланируешь в ежедневнике.

Иван поставил кружку с чаем, в котором уже плавали два куска сахара (он всегда клал два, хотя терапевт из поликлиники на Студеновской советовала один), и задумался. А где он был счастлив? В тридцать семь лет, с работой менеджера среднего звена в компании по оптовым поставкам стройматериалов (офис на улице Гагарина, серая девятиэтажка, на первом этаже — магазин «Продукты», где продают просроченные булочки), с бывшей женой Светой, которая ушла два года назад к владельцу автомойки на Казинке, с ипотекой на двушку в районе Университетского проспекта и с хроническим чувством, что жизнь проходит мимо, как трамвай но-

мер двенадцать, на который ты опоздал.

Где то самое место? Может, в детстве, когда они с отцом ходили на рыбалку на водохранилище и отец научил его насаживать червя? Может, в институте, когда они с Леной целовались в подъезде на проспекте Победы, пока не сторела лампочка? Может, в 2014-м, когда он первый раз сел за руль своей «Лады Весты» и почувствовал, что может уехать куда угодно, хоть в Москву, хоть в Воронеж, хоть на край света? А может, никогда и не было такого места? Может, счастье — это просто отсутствие несчастья, и он уже в нем живет, просто не замечает?

Чайник засвистел. Иван выключил плиту, залил кипяток в кружку, подумал еще минуту и написал начальнику: «Задержусь, машина не заводится». Начальник, человек без фантазии, по имени Эдуард Юрьевич, ответил через три секунды: «Ок, но отчет по КРІ до 12:00. И чтобы таблицы были красивые». Иван поставил телефон на беззвучный, надел куртку, купленную три года назад на распродаже в «Спортмастере», и вышел на мороз.

На улице было минус три. Апрель в Липецке — это всегда лотерея: то солнце, то снег с дождем, то холод пронизывающий до костей, то вдруг плюс пятнадцать, и все выходят в футболках. Иван сел в свою «Ладу Весту» 2019 года выпуска, которая скрипела левым передним колесом при повороте и пахла бензином и чипсами, и поехал в сторону ЛТЗ. Дорога заняла двадцать минут, из которых пятнадцать он просто-

ял в пробке на перекрестке улиц Советской и Зегеля, глядя, как водитель черного «Тойота Камри» сигналил женщине на «Оке», которая никак не могла выехать с прилегающей территории.

Пустырь нашелся не сразу. Иван объехал завод, проехал мимо гаражей, свернул на грунтовку, и тут его встретил запах. Запах мазута, старой резины, прелых листьев и еще чего-то неуловимого. Машину он оставил у бетонного забора и пошел пешком, хрустя битым стеклом под подошвой.

И вот она. Дверь.

Стояла в пятидесяти метрах от груды арматуры и битого шифера. Вокруг нее — человек сорок. Никакой истерики, никаких шаманов с бубнами. Обычные липецкие люди: мужчина в дорогом пальто с кожаным портфелем (наверное, какой-нибудь начальник с НЛМК), женщина с авоськой, из которой торчала буханка белого хлеба и пакет кефира, подросток в наушниках, бабушка с палочкой в цветастом платке. И парень с четками в куртке «Адидас», который перебирал деревянные бусины и смотрел на дверь взглядом снайпера, готового сделать последний выстрел.

Иван встал в конец очереди. Прямо за теткой с авоськой и парнем с четками.

— Слышь, братан, — парень обернулся. Глаза красные, щеки в разводах, под глазами мешки, но при этом какая-то странная улыбка на губах — не то усмешка, не то благодарность за боль. — Ты по делу или так, поржать пришел?

— По делу, — соврал Иван. На самом деле он все еще не решил, зачем здесь. Просто приехал. Как на экскурсию.

— Ага, — парень хмыкнул и снова отвернулся к двери. — Все вы по делу. Пока не зайдешь — не поймешь, что дело — это не то, что ты думал. Дело — это дверь. А ты — так, приложение к ней.

Перед ними стоял серьезный мужчина в костюме. Тройка, галстук в полоску, запонки с позолотой. Седые виски, дорогие часы.

— Входите, — сказала ему какая-то женщина из очереди. — Чего встали? Дверь не кусается.

Мужчина глубоко вздохнул, поправил галстук, достал из кармана платок, вытер лоб и шагнул. Открыл дверь. Шагнул через порог. И исчез.

Тишина стояла такая, что было слышно, как где-то далеко на трассе М-4 гудит фура.

Прошла минута. Вторая. Третья. Четвертая. Кто-то в очереди сказал: «Все, не вернется. Еще один клиент». Но тут дверь открылась снова.

Из нее вышел мужчина. Но костюм на нем был разорван — пиджак висел на одном рукаве, галстук съехал набок и торчал из-под воротника как удавка, рубашка расстегнута до пупка, а один ботинок отсутствовал. В руке он держал детский рисунок — карандашный набросок на тетрадном листе в клетку, на котором улыбалось солнце с ресницами, стоял домик с трубой, из которой шел дым, и были нарисованы три

фигурки: папа, мама и маленький человечек с огромными глазами.

Мужчина посмотрел на рисунок, потом на серое небо, потом на людей, стоящих в очереди.

— Ты чего, дядя? — спросил подросток с кудрявыми, пышными волосами, вынимая один наушник. — Дверь тебя по голове ударила?

Мужчина ничего не ответил. Он прошел мимо очереди, не глядя ни на кого, его губы шевелились, будто он разговаривал сам с собой. Он дошел до столба ЛЭП, стоящего на краю пустыря, прислонился к нему лбом и замер. Плечи его дрожали. Рисунок выпал из руки в грязный снег, смешанный с землей и золой.

— Смотри, — шепнул парень с четками Ивану, не оборачиваясь. — Вспомнил, как он ребенка упустил. Или не упустил, а просто перестал с ним видеться после развода. Или никогда не видел, потому что работа сжирала все время. Дверь всегда показывает самое болезненное. Или самое сладкое. Не угадаешь. Но больно будет всем.

— А ты что видел? — спросил Иван. Ему вдруг стало жарко в куртке, хотя морозец щипал щеки, а ветер задувал за шиворот.

Парень с четками помолчал. Перебрал три бусины. Потом сказал, не поворачивая головы:

— Я — как в армию попал. В 2010-м. Дедовщину. Каждую секунду. Как меня заставляли полы мыть зубной щеткой

в сортире, как в казарме окна выбили и я спал в шинели, как меня били за то, что я славянский парень в роте, где кавказцев было большинство. А потом — как дембельнулся. И все заново. Я семь раз заходил. — Он поднял четки к лицу и поцеловал их. — Как наркоман. Не могу остановиться. Понимаешь, братан? Боль от прошлого — она как анестезия. Пока ты ее чувствуешь, ты жив. А без нее — так, овощ на диване перед телевизором. Сериалы смотреть и пиво жрать.

Иван молчал. Ему нечего было сказать. Он никогда не служил, потому что нашли какую-то бумажку про плоскостопие. И теперь он чувствовал себя почти виноватым.

— Но есть слух, — продолжил парень, понижая голос до шепота, так что Ивану пришлось наклониться. — Один чувак из Воронежа приезжал. Зашел — и не вернулся. Вообще. Дверь его скопировала. Или съела. Или он там остался, потому что ему там было лучше. Короче, на том свете ему выдали премиум-аккаунт. Бессмертие за бесплатно, но с одним условием: ты становишься частью двери. Строишь на всех, кто заходит, и помнишь, что тебя самого больше нет. Как сторож на кладбище, только без зарплаты.

Тетка с авоськой, которая стояла перед ними, вдруг обернулась. Ей было лет шестьдесят пять, лицо в мелких морщинах, как печеное яблоко, глаза светлые, почти белые, как у человека, который много видел и уже ничему не удивляется. Из-под платка выбивалась седая прядь. Она сунула Ивану в руку просроченное печенье в желтой упаковке — «Юбилей-

НОЕ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.